

КОЗЛОВ

Анатолий Андреевич

В армию меня призвали в августе 1942-го, направили в пулемётно-миномётное училище, что было в Арзамасе. Учились мы там два месяца, подготовка была — равняйся-смирно плюс строевая. Ну, и стрелять ещё учили. А чтобы пулемёт разбирать-собирать — до этого дело не дошло. Через два месяца по тревоге половину состава училища построили, погрузили на станции в теплушки — и на фронт. Привезли нас в Воронежскую область, в город Кирсанов. В планах командования был прорыв немецкой обороны, и нами, новобранцами, усилили воинские части. Попал я в 144 дивизию, 82-миллиметровую миномётную батарею.

Когда я только из училища прибыл, произошёл со мной один интересный случай. Дали мне поручение отнести ужин миномётному расчёту, который на огневых позициях стоял. Вечером дело было, темно уже, да и указателей для меня никто специально не поставил. Долго я ходил-бродил, искал своих. Вдруг слышу, как меня шёпотом окликают кто-то: «Куда прёшь, передний край в двух шагах!»

Оказалось, к боевому охранению угодил, на самую линию фронта. Чуть к немцам с котелком не ушёл, а батарея-то далеко позади осталась.

В конце декабря наши войска пошли в наступление. Уже после боя, когда мы отстрелялись, потеснили немцев, во время перехода разорвавшимся снарядом ранило меня в ногу. Вот так, в первом же сражении. А зима тогда была 42 градуса мороза, на нас же ботинки на рыбьем меху. Пока ждал на морозе санитаров, ноги отморозил так, что потом семь месяцев в госпитале провалялся. Уже и ранение зажило, а ходить всё не мог. За это время и Сталинградская битва отгремела, и Орловско-Курская дуга.

Молодой организм справился с болезнью, летом 43-го встал я на ноги. Отправили меня на пересылочный пункт, зачислили в 89-ю стрелковую дивизию, в полковую миномётную батарею. Здесь миномёты были 120-миллиметровые. Так до последних дней войны я с этой батареей и прошагал. Участвовал в Яско-Кишинёвской, Корсунь-Шевченковской, Висло-Одерской операциях.

Раз было дело — возле Корсунь-Шевченковского нашу миномётную батарею окружили немецкие танки, отрезали нас от основных частей. Мы с орудиями от них в лесок спрятались, а они вокруг него ползали. Вот тогда было действительно страшно. Потом наши дали им прикурить,

всё обошлось, но те минуты я запомнил на всю жизнь.

Есть у меня два ордена Славы — второй и третьей степени, медали «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией»...

Самое тяжёлое на войне — переходы, марш-броски ночные километров по восемьдесят с вещевым мешком, карабином. Привалы делали не больше десяти минут. Подниматься надо, бойцы ни рукой, ни ногой пошевелить не могут — замертво около дороги валились. Помню, как плакал я тогда, но чтоб не видел никто. От бессилия плакал. Видел разрушенные деревни и города. Но для нас это уже привычный был пейзаж, хотя привыкнуть к постоянному ощущению того, что смерть рядом ходит, невозможно.

К концу войны немцы повадились нам «сюрпризы» оставлять — вещичку какую-нибудь, фонарик заминированные...

С блиндажами та же история. Наш командир расчёта всё нас инструктировал: «В блиндаж или в землянку не соваться! Нечего там делать». И сам же забыл об осторожности — подорвался в таком вот блиндаже. Когда он погиб, меня назначили командиром расчёта, присвоили сержантское звание.

Помню, как в феврале 45-го мы перешли по льду Одер, закрепились на немецком берегу — всего в 60 км от Берлина. А когда лёд тронулся, отрезанными оказались. Мост рядом был раз-

рушен, немцы восстанавливать его не давали, бомбили постоянно. Отступать было некуда, помощи ждать неоткуда, разве что артиллерия с того берега иной раз поддержит. Как ночь — немецкие атаки отбиваем. Снаряды, продовольствие поначалу лодками к нам переправляли, потом паромную переправу сделали. Но немцы тогда ещё здорово сопротивлялись, хотя уже ясно было, что война ими проиграна.

Вот так и до Берлина дошёл. Наша часть встала в пригороде — в Шпандау. И хоть центр Берлина лежал в руинах, на окраинах разрушений практически не было. Видел я и надписи на рейхстаге, но сам автограф не оставил —

как-то в голову не пришло. Мы запросто общались с местным населением, вспоминая школьные знания немецкого. Слово скажешь, а дальше по догадке. Своей одежды гражданской не было — у немцев брали напрокат и фотографировались на память. В Берлине нам ещё 2 мая объявили о том, что подписывается акт о капитуляции. Потому День Победы мы заранее отпраздновали. Наш предприимчивый старшина в честь праздника быстренько на какую-то базу съездил, привёз материала и всем солдатам выдал отрезки на костюмы. А 9-го мая ничего необычного не было...

8 мая 2003 года

КОЗЛОВА Валентина Александровна

Ещё до Великой Отечественной войны у обочины пыльной полевой дороги часто можно было видеть невысокую деревенскую девушку. Она завистливым взглядом встречала и провожала каждую проезжавшую полуторку.

Здесь и зародилась у девушки мечта стать шофёром. В 1940

году Валя Козлова окончила пятимесячные курсы в Починках. В одном из учреждений района ей предоставили грузовой автомобиль.

В годы войны Валентина Козлова ездила по фронтовым дорогам.

16 сентября 1960 года